

На правах рукописи

Гулиев Муса Ахметович

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ И БЕЗОПАСНОСТЬ
В УРЕГУЛИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА
МОДЕРНИЗИРУЕМОГО ОБЩЕСТВА**

23.00.02 – политические институты,
этнополитическая конфликтология,
национальные и политические процессы и технологии
(политические науки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

Ростов-на-Дону – 2006

Работа выполнена в Ростовском юридическом институте МВД России

Научный консультант: доктор философских наук, профессор
Макеев Василий Васильевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Ефимов Юрий Иванович;
доктор политических наук, профессор
Понеделков Александр Васильевич;
доктор политических наук, профессор
Хоперская Лариса Львовна

Ведущая организация: Ростовский государственный университет

Защита состоится 19 сентября 2006 года в 10 часов на заседании диссертационного совета Д.203.011.01. по политическим и юридическим наукам при Ростовском юридическом институте МВД России по адресу: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Маршала Еременко, 83, ауд. 502.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ростовского юридического института МВД России.

Автореферат разослан 17 августа 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Вакула И.М.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. В двадцать первом веке толерантность стала одним из нравственных императивов мирового сообщества, ключевым понятием, эвристическим для понимания политических, социальных, культурных процессов и тенденций, способствующим утверждению новой стратегии выживания человечества в современном плюралистическом, мультикультурном мире.

Модернизация общества, в том числе и в нынешней России, отмечена этнической напряженностью, и от уровня политической толерантности и безопасности этногрупп зависит предотвращение затяжных конфликтов.

После окончания холодной войны многие исторически недемократические страны переживали беспрецедентную волну демократизации. Число демократических стран удвоилось. В то же время человечество столкнулось с резким ростом этнических конфликтов в тех странах, которые недавно стали на путь модернизации своих политических систем.

В 1990-х – начале 2000-х гг. эти конфликты в странах Африки, Азии, Ближнего Востока, в бывшей Югославии, на постсоветском пространстве привели к гибели миллионов людей, десяткам миллионов беженцев и материальным потерям, исчисляемым в миллиардах долларов. Этнические войны стали более длительными, чем межгосударственные.

Неспособность правительства контролировать местный политический экстремизм приводит к международному терроризму, создает глобальную угрозу безопасности народов. Демократические институты вместо того, чтобы объединять граждан, разъединяют их на этнической почве.

В русле глобального видения этнические конфликты, захлестнувшие многие страны мира, оказались включенными в новую систему социального мироздания, стали неотъемлемым компонентом международных отношений.

Не всегда срабатывает механизм дипломатического урегулирования этнических конфликтов. Миротворцы чаще прибегают к силовым методам остановки вооруженных действий в этнических спорах. Конфликты ставят под угрозу политическую стабильность государств, вынуждают приме-

нять недемократические методы управления. Сегодня стало очевидным, что этнические конфликты – это не только удел модернизируемых стран, но и явление, от которого не свободны вполне благополучные государства. Конфликты подрывают благополучие общества, а потому становятся объектом пристального внимания со стороны участников политического процесса и научного мира.

В рамках ООН политические лидеры всего мира пришли к согласию относительно видения будущего мира и его основных ценностей. Шесть общечеловеческих ценностей – свобода, равенство людей и наций, солидарность, толерантность, устойчивое развитие, разделенная ответственность – были названы основой международных отношений, что составляет область деятельности ООН.

В современных условиях международным сообществом толерантность видится как предпосылка и принцип движения людей к единому и совместному сотрудничеству. Толерантность обнаруживает себя как главный тренд общественного развития, интенция общечеловеческих интересов и потребностей.

Внутри государства особая роль в профилактике национализма и экстремизма принадлежит посредничеству, оказывающему значительное влияние на процесс урегулирования этнонациональных конфликтов. Сегодня посредничество нуждается в повышении своего престижа. Кроме посредников управление конфликтами осуществляет власть, располагающая ресурсами взыскания и поощрения, наказания и вознаграждения. Она использует полицию, армию, третейский суд и другие методы урегулирования этнических конфликтов.

Формирование глубоких нормативных толерантных отношений в полиэтническом обществе зависит от институциональных гарантий безопасности бывших участников этнических конфликтов, ставших на путь мирной жизни и сотрудничества.

Рост активности мирового сообщества, осуществляющего вмешательство во внутригосударственные конфликты, требует оценки эффективности миротворческих миссий под углом зрения формирования толерантных отношений в затронутых конфликтом странах. Нестабильность

мирных соглашений требует теоретического осмысления институциональных гарантий безопасности, которые предлагаются конфликтующим.

Степень научной разработанности темы. В современной научной литературе активно обсуждается проблема формирования политической толерантности в управлении этническим конфликтом. Вместе с тем привлекает внимание неоднозначность определений политической толерантности в процессуальном аспекте. Основная дискуссия в политической науке – между сторонниками утилитарного и либерального понимания толерантности. Утилитаристы П. Брасс, К. Салливан, А. Ричмонд рассматривают политическую толерантность как полезность терпимого отношения к временным соглашениям сторон. Либеральные нормативисты С. Мендус, А.В. Перцев, Дж. Роулз, В.В. Шалин делают акцент на политической толерантности как непреложной ценности, приоритетной относительно насильственного ведения конфликта.

Исследование утилитарной природы политической толерантности осуществляется в рамках трех основных подходов – примордиализма, инструментализма и конструктивизма.

Примордиалисты объясняют временную терпимость к компромиссным соглашениям ценностной мотивацией членов этноконфликта. Мотивация определяется изначальной потребностью людей в этнической идентификации, проявляющейся в солидарных действиях членов этногруппы. Варианты примордиализма различаются в зависимости от трактовки биологических (П. Ван ден Берг, М. Мур) или культурных основ идентичности (Д. Кармент, М. Мидларски, М.О. Мнацаканян, Ф. Харвей).

В аспекте элитарного инструментализма (П. Брасс, Д. Геймса, И.М. Сампиев, В.А. Тишков) толерантность рассматривается как неустойчивая политическая установка, поскольку часть этнической элиты не кооптируется в государственные структуры и продолжает вооруженную борьбу. С позиций экономического инструментализма (О. Олсон, Х. Форс, С. Хартцель Г. Хегре) нестабильность толерантности вызвана экономическим неравенством этногрупп общества и внешним противодействием мирным соглашениям.

При исследовании природы политической толерантности конструктивисты отводят главную роль идеологической активности культурной

элиты. Согласно Б. Андерсону, У. Альтерматту, Э. Геллнеру, националистическая политизация участников этнического конфликта осуществляется посредством идеологии, которую создает культурная элита. Л.М. Дробужева, А.П. Садохин, И.П. Чернобровкин отмечают, что привилегию обращения к культурному наследию имеет элита, способная ослабить или усилить восприятие угрозы выживания этноса. К.С. Гаджиев, В.А. Тишков полагают, что конструктивисты объясняют неустойчивость толерантности этноцентризмом, внушаемым участникам конфликта идеологией национализма.

Либеральное понимание политической толерантности осуществляется в либерально-традиционном и либерально-нормативном аспектах.

Представители либерально-традиционной схемы анализа – С. Мендус, П. Николсон, Дж. Ролз, Д. Хортон, М. Уолцер – исследуют политическую толерантность как моральную норму и установку участников этноконфликтной ситуации. По мнению П. Николсона, нормативная политическая толерантность предполагает способность и потребность принимать точку зрения оппонента, не идентифицируя себя с противоположной этнической группой. М. Уолцер, исследуя природу нормативной политической толерантности, отмечает, что она связана с практикой ведения либерально-демократического процесса. Сторонники либерально-нормативного аспекта А.В. Перцев, М.Б. Хомяков, В.В. Шалин рассматривают политическую толерантность как базовый принцип конституционного консенсуса. По их мнению, наличие развитого гражданского общества и правового государства определяет характер нормативно-регулирующих средств, способов общения и сотрудничества различных конкурирующих социальных групп.

Границы применения политической толерантности в конфликтной ситуации актуализируют проблему обеспечения безопасности толерантных отношений. Утилитаристы (П. Брасс, К. Салливан, А. Ричмонд и др.), интерпретирующие политическую толерантность как полезность временных мирных соглашений, усматривают источник защищенности этногрупп от возникающих угроз в сильной правительственной власти. Либеральные нормативисты видят источник защищенности этногрупп от экзистенциальных угроз в самой толерантности (Г.В. Косов, Н.П. Медведев).

В настоящее время отечественная и зарубежная политология предлагает неоднозначное понимание посредничества в решении этнического конфликта. Выявляются следующие исследовательские аспекты:

- нормативный аспект, теория международного права (А.Я. Сухарев, В.Д. Зорькин, В.Е. Крузиких): посредничество – одно из мирных средств разрешения международных споров; оно может осуществляться только при согласии спорящих сторон;

- функциональный аспект, конфликтологи (Ю.Г. Запрудский, К. Аргурис, О. Янг): посредничество – процесс урегулирования конфликтов между лицами, группами или политическими организациями в целях оказания помощи при решении спорных вопросов и прекращении конфликтов;

- организационный аспект (Дж. Беркович): посредничество – активность миротворческого характера, основанная на равном отношении к требованиям конфликтующих сторон;

- статусно-ролевой аспект (К. Митчел, Р. Фишер, Э. Шайн): посредничество не обладает властью принудительных решений и пользуется консультативным подходом к управлению конфликтом;

- коммуникативный аспект (Д.В. Калашников, У. Мاستенбрук, А. Майер): посредничество – процесс трехсторонних переговоров с целью достижения общих соглашений между конфликтующими сторонами;

- культурологический аспект (К. Стивенс): посредничество – примиренческий стиль (язык и логика) конфликтного менеджмента;

- социально-психологический аспект (Д. Бартон, Н. Кельман): посредничество – проблемно-поисковый метод решения конфликта, переосмысление его причин.

Ученые высказывают различные точки зрения относительно формирования нормативной политической толерантности в период постконфликтной реконструкции.

Согласно утилитаристам – Т.В. Бордачеву, Х. Кальвокоресси, М.М. Лебедевой, М. Оделло, посредничество формирует номинальную толерантность, отмеченную межэтническим недоверием между участниками мирного договора и общей властью. Поэтому длительность мирных соглашений зависит от доверия конфликтных сторон к общей власти как

гаранту выполнения условий договора.

В отличие от утилитаристов, сторонники либерального подхода – Р. Рисилиано, Т.Г. Стефаненко – рассматривают мирные соглашения началом восстановления нормативной политической толерантности. Восстановление толерантных отношений между этническими группами зависит от контроля условий договора, предусматривающего согласование интересов сторон в политической и экономической сферах. Ю.В. Веселов, А.А. Саидов выявляют и рассматривают несиловые средства интеграции этногрупп в нормативную систему общества. Т.Г. Стефаненко, К.В. Шведова исследуют коммуникативные стратегии восстановления прерванных отношений кооперации и межэтнической дружбы. Г.С. Денисова, Л.М. Дробижева, М.Р. Радовель изучают социальные стратегии кооптации этнических элит в правительственные институты, возвращения беженцев и восстановления гетерогенной этнической структуры.

Анализу гуманитарной помощи гражданскому населению, физической защиты беженцев и контролю выполнения соглашений о перемирии, способствующих формированию нормативной толерантности, посвящены работы А.Р. Аклаева, Д. Боймана, Т.В. Бордачева, А.С. Капто, М.М. Лебедевой.

Миротворческие операции, по мнению А. Джорджа, Б. Калашникова, Д. Кармента, Ю. Хабермаса, Ф. Харвейя, И.П. Чернобровкина, предусматривают прекращение этнического конфликта при помощи военных действий. Толерантная ограниченность стратегий по принуждению к миру связана с высокой вероятностью затяжной интервенции по причине смены правительства или режима и борьбы с экстремизмом.

Как видно из вышеизложенного, проблема политической толерантности и безопасности в урегулировании этнического конфликта находится в настоящее время в центре внимания многих отечественных и зарубежных исследователей. Тем не менее в изучении этой проблематики еще остаются определенные пробелы, обусловленные, в первую очередь, отсутствием комплексных разработок, которые позволили бы свести воедино отдельные концептуальные достижения.

Этим и определяется наше обращение к данной теме.

Цель диссертационной работы состоит в системном исследовании объективных условий и субъективных факторов формирования политической толерантности и безопасности участников этнического конфликта модернизируемого общества глобализованного мира.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- выявить методологические причины ограниченности инструментального и либерального подходов к объяснению природы политической толерантности в управлении этническим конфликтом;
- интерпретировать безопасность участников этнического конфликта в аспекте двух уровней политической толерантности;
- на основе системного анализа безопасности толерантных отношений определить структурные уровни политической толерантности участников этнического конфликта модернизируемого общества;
- обосновать природу нетерпимости как проявление этноцентризма и выявить причины этнического конфликта модернизируемого общества;
- конкретизировать рефлексивные стратегии посредничества в формировании номинальной политической толерантности участников этнического конфликта;
- обозначить проблемно-поисковые стратегии посредничества в формировании номинальных толерантных отношений в фазе урегулирования конфликта;
- концептуализировать дилемму безопасности и правительственные стратегии формирования нормативной толерантности;
- охарактеризовать роль силового контроля мирных соглашений в формировании нормативной толерантности участников этнического конфликта;
- определить защитные стратегии распределения политической власти и дистрибутивные стратегии формирования нормативной политической толерантности;
- исследовать сочетание правительственных стратегий безопасности в формировании нормативной толерантности и стабильности мирных соглашений участников этнического конфликта;
- обосновать миротворческие превентивные стратегии восстановле-

ния толерантных отношений модернизируемого общества;

– рассмотреть традиционные и нетрадиционные миротворческие операции мирового сообщества по урегулированию государственных этнических конфликтов.

Объектом диссертационного исследования выступает этнополитический конфликт.

Предметом исследования являются политическая толерантность и безопасность как стратегические институциональные формы урегулирования этнического конфликта со стороны государства и мирового сообщества.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют принципы системного анализа – социальный трансформизм, комплексность, эндогенно-экзогенный подход. Социальный трансформизм ориентирует на изучение модернизации как среды этнического конфликта, что позволяет выявить функциональную роль политической толерантности и безопасности в урегулировании конфликта. Комплексный подход учитывает блоки причин этнического конфликта и стратегии формирования политической толерантности номинального и нормативного уровней. При эндогенном подходе исследуются политические практики формирования безопасных толерантных отношений участников этнического конфликта внутри трансформируемых общественных систем. Экзогенный подход позволяет изучить влияние гуманитарного интервенционизма мирового сообщества на безопасность политической толерантности модернизируемого общества.

Полученные в ходе исследования результаты содержат **научную новизну**, которая состоит в следующем:

1) выявлены методологические причины ограниченности инструментального и либерального подходов к объяснению природы политической толерантности, выраженные в игнорировании проблемы безопасности для долгосрочного урегулирования этнического конфликта;

2) определены институциональные условия безопасности участников этнического конфликта в аспекте номинального и нормативного уровней политической толерантности;

3) систематизированы принципы анализа безопасности толерантных

отношений в урегулировании этнического конфликта модернизируемого общества, к которым относятся стратегический интеракционизм, структурный и функциональный подходы;

4) обоснована природа этноцентризма, противоположного политической толерантности, и определены взаимосвязанные макро- и микро-уровневые причины этнического конфликта модернизируемого общества;

5) конкретизированы рефлексивные стратегии посредничества в формировании номинальной политической толерантности участников этнического конфликта, которые направлены на освобождение конфликтующих сторон от этноцентризма и определение области конвергенции интересов;

6) обозначены проблемно-поисковые стратегии посредничества при формировании номинальных толерантных отношений в аспекте посреднических гарантий безопасности этническим участникам мирных переговоров;

7) концептуализированы параметры постпереговорной дилеммы безопасности, которой соответствуют типы правительственных стратегий формирования нормативной толерантности и стабильности мирных соглашений;

8) охарактеризована роль стратегий правительственного силового контроля мирных соглашений с точки зрения предотвращения одностороннего присвоения этногруппой средств принуждения;

9) определены защитные стратегии распределения политической власти и дистрибутивные стратегии формирования нормативной политической толерантности, снижающие возможные преимущества оппонента в распределении политической власти и исключаящие преобладание оппонента в рыночной экономике;

10) исследовано сочетание стратегий безопасности с целью формирования нормативной толерантности в аспекте снижения физической, политической, экономической уязвимости бывших участников этнического конфликта;

11) обоснованы миротворческие превентивные стратегии восстановления толерантных отношений модернизируемого общества в зависи-

мости от коммуникативного и структурного сдерживания насилия в этническом конфликте;

12) рассмотрены миротворческие операции мирового сообщества по урегулированию государственных этнических конфликтов с позиций эффективности стратегий гуманитарного интервенционизма для формирования политической толерантности общества, ставшего на путь модернизации и испытывающего этнический конфликт.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Политическая толерантность является принципом урегулирования этнического конфликта. Принцип предполагает: признание взаимного права на самообытный образ жизни, готовность к компромиссу и сдержанности, ориентацию на восстановление партнерских или дружественных отношений. Государство и мировое сообщество используют принцип политической толерантности посредством стратегий урегулирования этнических конфликтов. В политической науке при определении понятия политической толерантности в процессуальном и технологическом аспектах основная дискуссия разворачивается между сторонниками утилитарного и либерального направлений анализа этого явления. Инструменталисты рассматривают политическую толерантность как модус вивенди – полезность временного соглашения спорящих сторон в целях прекращения затяжного конфликта. Представители либерального направления, следуя тезису об общепринятости культуры, делают акцент на политической толерантности как непреложной ценности, приоритетной относительно насильственного ведения конфликта. Одностороннее преувеличение одного из компонентов процесса принятия толерантной установки приводит к расширительному определению явления политической толерантности и игнорированию значения безопасности толерантных отношений для долгосрочного урегулирования этнического конфликта.

2. Безопасность толерантных отношений – это состояние устойчивого функционирования и целостного воспроизводства этнокультурной идентичности участников этнического конфликта, поддерживаемое с помощью институциональной среды. Обеспечение безопасности толерантных отношений как важной институциональной структуры осуществляется в условиях демилитаризации участников этноконфликта, сохраняющие-

гося этноцентризма и создания правительственного механизма контроля выполнения мирных соглашений. Двум уровням политической толерантности соответствуют два уровня безопасности участников этноконфликта. Толерантность модуса вивенди поддерживается доверием к правительственной власти как гаранту соблюдения мирных соглашений. Номинальная толерантность остается уязвимой к изменениям властных полномочий, что приводит к возобновлению насильственной борьбы. Нормативная толерантность поддерживается институциональными гарантиями баланса властных полномочий этногрупп.

3. К принципам системного анализа изучения безопасности толерантных отношений участников этнополитического конфликта относятся стратегический интеракционизм, структурный и функциональный подходы. Системный анализ позволяет рассмотреть структурные уровни политической толерантности участников этнического конфликта, что соответствует двум типам дилеммы безопасности. Принцип стратегического взаимодействия позволяет всесторонне изучать макро-, мезо- и микроуровневые факторы возникновения этнополитического конфликта, а также условия эффективности посреднических стратегий формирования номинальной толерантности и миротворческих стратегий формирования нормативной толерантности. Функциональный принцип ориентирует на исследование стабильности мирных соглашений в зависимости от уровня толерантных отношений и институциональных гарантий безопасности.

4. В этнических конфликтах этноцентризм является противоположностью толерантности. Он означает стереотипное восприятие ущербности жизни внешней группы для ее окружения. Проявления предубежденности ситуативно варьируются от навязывания культурных стандартов до наклеивания ярлыков и насильственных акций. Этнические конфликты второй половины XX – начала XXI веков возобновляются вследствие противоположных статусных притязаний этногрупп модернизируемого общества, то есть контроля материальных, властных и духовных ресурсов. Поэтому в конфликтах выдвигаются радикальные требования сецессии и ирредентизма. Макропричины этнического конфликта воздействуют на микропричины и усиливают их потенциал. Если разноуровневые причины

совпадают, насильственный потенциал этноконфликта возрастает и наоборот.

5. Посредничество способствует отказу враждующих сторон от этноцентризма и переходу на позиции политической толерантности. Посредничество – это вмешательство третьей стороны в конфликтные отношения сторон с их согласия, занятие переходной позиции между конфликтом и его исходом, содействие поиску взаимудовлетворяющего решения спорных вопросов в трехсторонних переговорах. На этапе определения спорных вопросов и причин конфликта посредник применяет рефлексивные стратегии, которые направлены на освобождение участников переговоров от этноцентризма и определяют области конвергенции интересов. Рефлексивные стратегии, используемые посредниками, могут быть полезными в адекватном понимании причин конфликта и определении общих интересов сторон.

6. Номинальная политическая толерантность возникает при вмешательстве посреднических структур в этнический конфликт. В фазе поиска путей разрешения конфликтов посредник применяет проблемно-поисковые стратегии влияния на контекст и процесс переговоров. Предложение проекта соглашения и убеждение в его преимуществах – центральная стратегия формирования толерантности участников переговоров. Наиболее убеждающая форма посреднического влияния – способность гарантировать безопасность участников конфликта в компромиссном решении этнического спора. Посредничество направлено на предотвращение насилия в конфликте и восстановление устойчивой кооперации сторон.

7. После посреднического урегулирования вооруженного этнического конфликта участники мирных соглашений находятся в ситуации дилеммы безопасности, обусловленной переходом от анархии гражданской войны к строительству демократических структур государства, способного контролировать правопорядок. Заинтересованность конфликтных сторон в безопасности мотивируется тремя причинами: опасениями контроля оппонентами средств принуждения в модернизируемом государстве, возможных преимуществ оппонента в распределении политической власти, возможного экономического преобладания оппонента в рыночной экономике. Трем параметрам дилеммы безопасности соответствуют три страте-

гии правительственного контроля мирных соглашений – силовой контроль, распределение политической власти и распределение экономических ресурсов. Сочетание правительственных стратегий способно формировать нормативную толерантность и устойчивый межэтнический мир.

8. В соответствии с дилеммой безопасности различаются два типа стратегий правительственного силового контроля мирных соглашений: демилитаризация бывших комбатантов и восстановление государственных сил безопасности. Только те правительственные программы разоружения, демобилизации и социально-экономического восстановления экс-комбатантов способствуют устойчивости мирного договора, которые снижают физическую уязвимость этногрупп и побуждают людей решать этнические споры в соответствии с базовыми соглашениями. Восстановление государственных сил безопасности способствует толерантным межэтническим отношениям, если применяется принцип пропорционального представительства этногрупп в органах государственного принуждения.

9. Правительства модернизируемых государств, испытывающих этнические конфликты, могут институционализировать альтернативные системы распределения политической власти. Мажоритарные стратегии контроля мирных соглашений применимы в интегрированном обществе, где существует межэтническая нормативная толерантность. Стратегии пропорционализма эффективны в этнически разделенном обществе, в котором сохраняется дилемма безопасности участников мирных соглашений. В модернизируемом этнически разделенном обществе либеральная дистрибутивная политика усиливает социальное расслоение и обостряет межэтническую конкуренцию за экономические ресурсы. Стабильности мирных соглашений и формированию нормативной толерантности этнических групп способствует субсидиарная политика правительства. Она обеспечивает социальную защиту и уменьшает численность нижнего класса посредством устойчивого, социально ориентированного развития отстающего региона.

10. Этнические конфликты мотивированы восприятием реальной или воображаемой угрозы безопасности физическому и культурному выживанию этногрупп. Гуманитарный принцип соблюдения индивидуальных и коллективных прав граждан усложняет правительственный кон-

троль мирных соглашений участников этнического конфликта. Насильственный конфликт не может быть сдержан ценой репрессий. Сочетание институциональных гарантий физической, политической и социальной защиты этногрупп позволяет бывшим участникам конфликта избежать дилеммы безопасности и принять толерантный принцип за основу развития отношений добрососедства и сотрудничества.

11. Миротворческая превентивная деятельность основывается на предвидении этнического насилия и раннем предупреждении конфликтов. Миротворчество предполагает сотрудничество международных организаций с правительством затронутой страны. Миротворческие стратегии прямого предотвращения этнического конфликта содействуют восстановлению номинальной толерантности, поскольку побуждают стороны к переговорному урегулированию споров. Превентивная дипломатия обладает большей толерантной эффективностью относительно интрузивных и принудительных средств. Стратегии глубокой превентации направлены на устранение структурных причин конфликта и способствуют восстановлению нормативной толерантности межэтнических отношений.

12. Традиционные миротворческие стратегии по поддержанию мира способны формировать только номинальную толерантность участников этнического конфликта, поскольку предусматривают разделение враждующих сторон и оборонительные операции в целях физической защиты гражданского населения и беженцев. Миротворческие стратегии по принуждению к миру способны в долгосрочной перспективе создавать институциональные гарантии физической, политической и экономической безопасности бывших участников этнического конфликта и формировать нормативную толерантность этногрупп модернизируемого общества. Формирование нормативной толерантности модернизируемого общества в глобализированном мире не может рассматриваться как изолированное явление, проявляющееся в ограниченных территориальных рамках. Она предусматривает координацию действий мирового сообщества и модернизируемых государств в обеспечении безопасности бывших участников этнического конфликта, ставших на путь строительства мирной жизни.

Научно-практическая значимость исследования предопределена тем, что в работе представлена система логически взаимосвязанных тео-

ретических положений, характеризующих условие перехода от номинальной к нормативной политической толерантности. Этим условием является реализация институциональных гарантий безопасности в период постконфликтной реконструкции. Осуществленный в работе анализ заявленной проблемы позволяет выработать рекомендации для управленческой и нормотворческой деятельности органов государственной власти, которые могут быть использованы для разработки методик оценки деятельности посредников в урегулировании этнических конфликтов, а также для совершенствования методов комплексного анализа политических ситуаций в полиэтничном регионе. Сформулированные в ходе работы выводы и предложения могут быть применены в деятельности аппаратов различных федеральных служб.

Выводы и положения диссертационной работы могут быть использованы при подготовке учебных пособий по политологии, политической философии, а также в системе повышения квалификации профессиональных политологов, государственных служащих, юристов и в преподавательской практике при чтении общих и специальных курсов по политологии, конфликтологии, геополитике и политической философии.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации докладывались и обсуждались на III Российском философском конгрессе «Рационализм и культура на пороге III тысячелетия» (Ростов-на-Дону, 2002 г.), II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы» (Москва, 2003 г.), Международной конференции «Проблемы международной безопасности и терроризм» (Кисловодск, 2002 г.), всероссийских конференциях «Насилие в современной России» (Ростов-на-Дону, 1999 г.), «Вертикаль власти: проблемы оптимизации взаимодействия федерального, регионального и местного уровней власти в современной России» (Ростов-на-Дону, 2001 г.), «Пути формирования гражданского общества в полиэтничном Южно-российском регионе» (Ростов-на-Дону, 2001 г.), «Цивилизация и человек: проблемы развития» (Ростов-на-Дону, 2001 г.), «Становление нового социального порядка в России» (Краснодар, 2001 г.), «Социальный порядок и толерантность» (Краснодар, 2002 г.), «Федера-

тивные отношения на Юге России» (Ростов-на-Дону, 2003 г.), на региональных научных конференциях в 2000–2005 гг.

Полученные результаты исследования были апробированы автором при чтении спецкурсов для аспирантов, студентов. Материалы исследования отражены в 45 научных публикациях общим объемом 40,7 п. л.

Структура диссертации состоит из введения, четырех глав, семнадцати параграфов, заключения, списка использованной литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, освещается степень ее разработанности, определяются объект, предмет и цель исследования, ставятся задачи, дается краткое описание методологической основы работы, формулируются элементы новизны, научно-практическая значимость исследования, перечисляются основные положения, выносимые на защиту, и приводятся данные по апробации результатов работы.

В первой главе анализируются **«Теоретико-методологические подходы к объяснению политической толерантности и безопасности»** и предлагается новая системная перспектива, содержащая объяснительную модель безопасности толерантных отношений участников этнического конфликта модернизируемого общества.

В первом параграфе этой главы рассматривается **«Утилитарное понимание политической толерантности как модуса вивенди»**. Понятие политической толерантности модуса вивенди обозначает готовность конфликтных сторон к принятию временного мирного соглашения, которое не исключает в будущем применение силы для победы над противником, либо замену временного соглашения постоянным соглашением. Можно выделить три методологических подхода к рассмотрению утилитарной природы политической толерантности модуса вивенди – примордиализм, инструментализм и конструктивизм.

С позиций примордиализма временная терпимость компромиссных соглашений обусловлена ценностной мотивацией участников этноконфликта. Мотивация определяется изначальной потребностью людей в этнической идентификации, проявляющейся в солидарных действиях членов этногруппы. Варианты примордиализма различаются в зависимости от трактовки биологических или культурных основ идентичности.

В объяснении толерантности модуса вивенди инструментализм акцентирует внимание на экономических и политических интересах участников этнического конфликта и структурных условиях общества, стимулирующих нестабильность толерантных отношений. В аспекте элитарного инструментализма эта нестабильность вызвана частичной кооптацией эт-

нической элиты в государственные структуры. Экономический инструментализм объясняет неустойчивость толерантности модуса вивенди экономическим бесправием этнических меньшинств, неспособностью правительства гарантировать выполнение мирных соглашений и внешним финансированием боевиков. Общий теоретический недостаток инструментализма состоит в следующем. Если этнический конфликт вызван противоположными интересами элит и этногрупп различного статуса, то он, подобно классовому конфликту, может быть институционализирован, что не объясняет чередования толерантности и интолерантности, мирных соглашений и вооруженной борьбы.

В аспекте конструктивизма нестабильность толерантной практики в этнических конфликтах возникает потому, что в период мирных соглашений националистическая культурная элита контролирует символические ресурсы мобилизации сторонников продолжения вооруженной борьбы. Недостаток конструктивизма состоит в игнорировании проблемы реальности угроз выживанию этногруппы и пределов воздействия идеологов на население. Этноцентризм легко пробуждается в модернизируемом обществе. Но идеологам не удастся его погасить в период сосуществования конфликтных сторон. Напрашивается примордиалистское объяснение устойчивости этнических предубеждений, что противоречит принципу конструктивизма.

Все подходы объединяет общая идея: отсутствие доверия между субъектами мирных соглашений делает толерантность модуса вивенди неустойчивой величиной.

Во втором параграфе изучается *«Либерально-нормативное понимание политической толерантности»*. Политическая толерантность в либеральном измерении – это моральная норма и установка участников этноконфликтной ситуации. Дж. Ролз полагает, что консенсус может помочь минимизировать или даже разрешить конфликты и установить стабильный политический порядок, основанный на уважении к правам всех сторон, участвовавших в борьбе. Автор отстаивает свою позицию при помощи двух аргументов: во-первых, консенсус в отличие от компромисса может быть достигнут на моральных основаниях; во-вторых, *modus vivendi* представляет собой простое соглашение о подчинении тем или

иным властям или о выполнении институционально санкционированных договоренностей, основанных на совпадении эгоистических или групповых интересов.

По мнению П. Николсона, нормативная политическая толерантность предполагает способность и потребность принимать точку зрения оппонента, не идентифицируя себя с противоположной этнической группой. Согласно автору, толерантность есть добродетель воздержания от употребления силы для вмешательства во мнения или действия другого, хотя бы они и отклонились в чем-то важном от мнения или действия субъекта толерантности и последний не был бы морально согласен с ним. Однако толерантность имеет свои границы в случае этнических конфликтов, где нередко используются террористические, преступные способы борьбы.

По своему происхождению нормативная политическая толерантность связана с практикой ведения либерально-демократического процесса. Этой позиции придерживается представитель «ситуационного подхода» М. Уолцер. «Правильный ситуативный» подход объясняет различные формы политической толерантности, исходя из каждого конкретного случая, воспринимая нюансы истории, традиций, устоявшихся обычаев, институтов и стиля жизни.

Толерантность как базовый принцип конституционного консенсуса исследуется А.В. Перцевым и В.В. Шалиным. По их мнению, наличие развитого гражданского общества и правового государства определяет характер нормативно-регулирующих средств, способов общения и сотрудничества различных конкурирующих социальных групп. Поэтому принцип толерантности кодифицируется как гражданско-правовая норма.

Нормативная толерантность, будучи условием и результатом мирного решения этнических споров, непосредственно связана с другими составляющими политической практики и культуры – готовности к компромиссу (модус вивенди) и сдержанностью, но не сводится к ним. Политическая толерантность имеет границы применения в конфликтной ситуации. Они пролегают в условиях реальной опасности существованию, исходящей от действий оппонента с иным образом жизни. В этих условиях актуализируется проблема обеспечения безопасности толерантных отношений.

В третьем параграфе первой главы исследуется *«Безопасность толерантных отношений участников этнического конфликта»*. Безопасность толерантных отношений – это состояние устойчивого функционирования и целостного воспроизводства этнокультурной идентичности участников этнического конфликта, поддерживаемое с помощью особой институциональной среды (ряда институционально действующих лиц и механизмов). Причем обеспечение безопасности толерантных отношений осуществляется преимущественно в условиях милитаризации, роста этноцентризма, физического разделения, конструирования образа врага, этнического недоверия, экономического недоразвития, фатализма и отчуждения и пр.

Двум уровням политической толерантности участников этноконфликта соответствуют два уровня безопасности. Толерантность модуса вивенди поддерживается доверием к правительственной власти как гаранту соблюдения мирных соглашений. Номинальная толерантность остается уязвимой к изменениям властных полномочий, что приводит к возобновлению насильственной борьбы. Нормативная толерантность поддерживается институциональными гарантиями баланса властных полномочий этногрупп, исключающих их односторонне доминирование в обществе, что обуславливает мирное урегулирование возникающих этнических споров и стабильность дружественных отношений в долгосрочной перспективе.

Растет признание того, что обеспечение безопасности толерантных отношений участников этнического конфликта должно стать одной из основополагающих целей властных структур региона, государства, специализированных организаций международного сообщества. Именно на этих уровнях можно обеспечить важнейшие на сегодня институциональные формы поддержания как этнокультурной идентичности, так и безопасности толерантных отношений.

Концепция безопасности человека, включающая соблюдение прав человека, становится все более важным элементом международного права и международных отношений, во все большей степени обеспечивая концептуальную основу для международных акций. В настоящее время все большее распространение получает положение о том, что концепция безопасности распространяется как на народ, так и на государство. В первом

случае концепция безопасности включает цель предоставления более широких прав, полномочий и свобод самим людям – как отдельным гражданам, так и всему народу страны в целом.

В четвертом параграфе первой главы осуществляется *«Системный анализ безопасности толерантных отношений в урегулировании этнического конфликта модернизируемого общества»*.

К принципам системного анализа изучения безопасности толерантных отношений участников этнического конфликта относятся стратегический интеракционизм, структурный и функциональный подходы. Системный анализ позволяет рассмотреть структурные уровни политической толерантности участников этнического конфликта, что соответствует двум типам дилеммы безопасности. Принцип стратегического взаимодействия позволяет всесторонне изучать макро-, мезо- и микроуровневые факторы возникновения этноконфликта, а также условия эффективности посреднических стратегий формирования номинальной толерантности и миротворческих стратегий формирования нормативной толерантности. Функциональный принцип системного анализа позволяет исследовать стабильность мирных соглашений в зависимости от уровня толерантных отношений.

Системными предпосылками в анализе безопасности толерантных отношений в условиях этнического конфликта являются, с одной стороны, этническое многообразие, которое нередко ведет к этнической поляризации, и с другой стороны, такое ослабление политической власти на национальном, региональном или международном уровне, которое не способно обеспечивать безопасность своих граждан. Такие институционально слабые государственные структуры делятся на «несостоявшиеся», «кризисные» и «преступные» государства (режимы). Наличие этих двух системных условий представляет собой потенциальный источник нестабильности.

Стратегическое взаимодействие этнических групп осуществляется как на внутригосударственном, так и на межгосударственном уровнях. Внутригосударственный уровень включает дилеммы межгруппового и внутригруппового стратегического взаимодействия. Межгрупповое стратегическое взаимодействие в области безопасности толерантных отноше-

ний может быть рассмотрено через призму двух аспектов «дилеммы безопасности»: «информационной несостоятельности» и «вызывающих доверие обязательств». Внутригрупповое стратегическое взаимодействие во многом определяется действиями как этнических активистов, так и политических предпринимателей от национализма. Следовательно, конкуренция лидеров и контрэлит является стратегическим фактором внутриэтнического взаимодействия, который увеличивает возможность проявления этнического насилия и интолерантных отношений.

Во второй главе «Формирование номинальной политической толерантности в посредническом урегулировании этнического конфликта» рассматриваются условия отказа враждующих сторон от агрессивного этноцентризма и их переход на позиции номинальной толерантности благодаря вмешательству третьей стороны.

В первом параграфе этой главы исследуется *«Нетерпимость как проявление этноцентризма»*. В этнических конфликтах этноцентризм является противоположностью толерантности. Он означает стереотипное восприятие ущербности жизни внешней группы для ее окружения. Проявления предубежденности ситуативно варьируются от навязывания культурных стандартов до наклеивания ярлыков и насильственных акций. В традиционных обществах этноцентризм был следствием институциональной и социальной дискриминации. В современных конфликтах по поводу территорий власти и политического признания наций этноцентризм приобретает идеологизированный характер и содержит образ внешнего врага.

С помощью мифов об исторической угрозе националистическая идеология актуализирует в сознании членов этногруппы образцы конфронтации и превращает их в стандарты политической практики. Игнорируется прошлый опыт политической толерантности, поддерживаемый добрососедством и кооперацией народов. Восприимчивость к идеологии национализма повышается в периоды общественных кризисов, когда социальные институты оказываются нефункциональными, а ожидания населения – завышенными. В этих условиях процессы обучения и воспроизводства политической толерантности прерываются.

Пока сохраняется предубеждение этнических групп против мирных средств урегулирования межэтнических споров, сохраняется вероятность

возобновления конфликта. Два уровня этноцентризма – оппозиционный и агрессивный – актуализируют проблему посреднического управления конфликтами.

Во втором параграфе второй главы осуществляется *«Определение причин этнического конфликта»*. Этнические конфликты второй половины XX – начала XXI веков возобновляются по поводу статуса этногрупп, то есть контроля материальных, властных и духовных ресурсов. Конфликты мотивированы противоположностью интересов этногрупп в сфере контроля ресурсов и этноцентризма, предубеждением против мирного или нормативного урегулирования споров. Поэтому в конфликтах выдвигаются радикальные требования сецессии и ирредентизма.

Представители структурного анализа указывают на макроусловия расхождения интересов участников конфликта, тогда как представители психокультурного (перцептивного) подхода подчеркивают мезоуровневую обусловленность этноцентризма прошлыми и актуальными отношениями этногрупп. В перспективе посреднического вмешательства в конфликт необходим многоуровневый анализ причин этнического конфликта.

К мезоуровневым причинам этнического конфликта относятся память о прошлых разногласиях, межэтническая конкуренция, активность этногруппы. Ключевым мезоуровневым фактором является активность лидеров этноорганизации, выдвигающих националистические требования и мобилизующих этногруппу на непримиримую борьбу с оппонентом.

К макроусловиям этнического конфликта относятся неконтролируемая миграция, просчеты национально-государственного строительства в период модернизации, глубокое социальное расслоение и бедность, конкуренция элит. В странах третьего мира просчеты национально-государственного строительства вызваны копированием унитарной модели национального государства и неудачами экономических реформ. В период общественных трансформаций национальные элиты способны инициировать этнические конфликты, ведущие к распаду форм государственного устройства, например, бывшие СССР, Югославия. Главная макропричина возобновления этнических конфликтов в государствах-преемниках заключается в неспособности правительства контролировать конституционный порядок. К макроусловиям относятся внешние силы,

поддерживающие возобновление этнического конфликта в насильственной форме. На юге России 90-х годов ими были: международные организации исламских радикалов, международный терроризм, апологетика вооруженной сецессии западными либерал-националистами.

Вышеназванные причины образуют потенциал этнического конфликта. Причины изменяются в ходе конфликта. Макропричины воздействуют на микропричины и усиливают их потенциал. Если разноуровневые причины совпадают, насильственный потенциал этноконфликта возрастает и наоборот.

В третьем параграфе второй главы рассматриваются *«Рефлексивные стратегии посредничества в формировании номинальной политической толерантности»*. Понятие посредничества определяется через более общее понятие конфликтного менеджмента. Термин «конфликтный менеджмент» имеет два значения – теоретическое и практическое. Проблематику менеджмента этнополитического конфликта специалисты разделяют на три основные составляющие: проблемы регулирования насильственного конфликта и управления им; проблемы мирного урегулирования и трансформации насильственного конфликта; проблемы предупреждения деструктивных форм проявления этнополитического конфликта. Посредничество в этническом конфликте является частью системы внешнего конфликтного менеджмента общества или сообщества. Оно имеет миротворческий характер и проектирует изменения хода конфликта в целях его окончания, минимизации деструктивных последствий насилия. При всей заинтересованности сторон в посредническом отношении оно остается временным.

В данном параграфе рассматриваются проблемы посреднического регулирования насильственного конфликта и управления им. Посредничество способствует отказу враждующих сторон от этноцентризма и переходу на позиции политической толерантности. Посредничество – это миротворческое вмешательство третьей стороны (государственных или частных организаций или лиц) в конфликтные отношения сторон с их согласия, занятие переходной позиции между конфликтом и его исходом, содействие поиску взаимовыгодного решения спорных вопросов в трехсторонних переговорах. На этапе определения спорных вопросов и

причин конфликта посредник применяет рефлексивные стратегии. Они направлены на освобождение участников переговоров от этноцентризма и определяют области конвергенции интересов. Рефлексивные стратегии, используемые посредниками, даже если они не привели к решению конфликта, могут быть полезными (например, адекватное понимание причин конфликта и определение общих интересов сторон).

В четвертом параграфе второй главы исследуются *«Проблемно-поисковые стратегии посредничества в формировании номинальных толерантных отношений»*. Политическая толерантность возникает при вмешательстве посреднических структур различного уровня: международных организаций, неправительственных посредников, научно-исследовательских институтов и др. В фазе поиска решения конфликтов посредник применяет проблемно-поисковые стратегии влияния на контекст и процесс переговоров. Предложение проекта соглашения и убеждение в его преимуществах – центральная стратегия формирования взаимной толерантности участников переговоров. Наиболее убеждающая форма посреднического влияния – способность гарантировать новые ресурсы в компромиссном решении этнического спора.

Эти конфликты отмечены своей ожесточенностью и длительностью, поскольку они исходят из ценностных ориентаций, из попытки идентифицироваться в рамках своей национальной культуры или конфессии. Постсоветские политические конфликты в чем-то повторяют свои аналоги в других точках Земного шара. Их причиной является намерение создать либо независимое государство, либо новое административно-территориальное образование, либо стремление сменить свою государственно-политическую юрисдикцию. Все эти попытки связаны с проблемой изменения границ. Регулирование такого рода конфликтов требует привлечения третьей стороны, которая имеет опыт использования рефлексивных и поисковых стратегий и руководствуется при этом принципами политической толерантности.

Посредничество, являясь видом конфликтного менеджмента, направлено на окончание конфликта. Компромиссный стиль и проблемно-поисковый подход к урегулированию конфликта на основе толерантности сторон и нахождения взаимовыгодных соглашений отличает посредниче-

ство от принудительных решений этнических споров арбитражем, судом, репрессивной пацификацией. Посредничество направлено на предотвращение насилия в конфликте и восстановление устойчивой кооперации сторон.

Переход к устойчивому миру – длительный процесс постконфликтного миростроительства. Если мирные соглашения являются тем рубежом, на котором конфликт прекращается формально, то процесс дальнейшей трансформации конфликта продолжается и на стадии после достигнутого мирного урегулирования, когда наступает черед следующей миротворческой стратегии – постконфликтного миростроительства.

В третьей главе «Формирование нормативной политической толерантности в период постконфликтной реконструкции» исследуется влияние правительственных стратегий безопасности на трансформацию номинальной толерантности в нормативную толерантность как главную предпосылку устойчивых мирных этнических отношений.

В первом параграфе третьей главы анализируется *«Постпереговорная дилемма безопасности и типы правительственных стратегий формирования нормативной толерантности»*. Стабильность переговорного урегулирования этнических конфликтов по-разному объясняется представителями утилитарного и либерального понимания толерантности. В утилитарном подходе стабильность мирных соглашений находится в зависимости от номинальной толерантности, поддерживаемой правительственным контролем правопорядка. В либеральном подходе эта стабильность зависит от восстановления нормативной толерантности посредством правительственных стратегий аккомодационного контроля условий мирного договора. Оба теоретических подхода могут совмещаться, если исходным пунктом определения стратегий формирования нормативной толерантности избирается дилемма безопасности.

После посреднического урегулирования вооруженного этнического конфликта участники мирных соглашений находятся в ситуации дилеммы безопасности, обусловленной переходом от анархии гражданской войны к строительству демократических структур государства, способного контролировать правопорядок. Заинтересованность конфликтных сторон в безопасности мотивируется тремя причинами: 1) опасением контроля со

стороны оппонентов за средствами принуждения в модернизируемом государстве; 2) опасением возможных преимуществ оппонента в распределении политической власти; 3) опасением возможного экономического преобладания оппонента в рыночной экономике. Только те мирные соглашения отличаются стабильностью, которые институционализированы, предусматривают государственные гарантии физической, политической и экономической безопасности этногрупп. В период постконфликтной реконструкции стратегическими задачами правительства является институционализация мирных соглашений. Трем параметрам дилеммы безопасности соответствуют три стратегии правительственного контроля мирных соглашений – силовой контроль, распределение политической власти и распределение экономических ресурсов. Ни одна из стратегий в отдельности не гарантирует снижения этнического чувства уязвимости. Сочетание правительственных стратегий способно формировать нормативную толерантность и устойчивый межэтнический мир.

Во втором параграфе данной главы рассматриваются *«Силовой контроль мирных соглашений и формирование нормативной толерантности»*. В соответствии с дилеммой безопасности будем различать два типа стратегий: 1) демилитаризацию бывших комбатантов и 2) восстановление государственных сил безопасности, действующих в мирное время и поддерживающих правопорядок в обществе. Эффективность правительственных стратегий оценивается в аспекте формирования нормативной толерантности. Только те стратегии будут эффективными, которые снижают чувство физической уязвимости членов этногрупп и формируют нормативную толерантность, готовность людей решать этнические споры в соответствии с базовыми мирными соглашениями. Данный критерий соответствует условиям модернизируемого общества, ставшего на путь либерально-демократических преобразований. Процесс демилитаризации бывших комбатантов играет решающую роль в прекращении затяжного этнического конфликта. Успех или неудача данной правительственной стратегии прямо влияют на перспективы долгосрочного мира постконфликтного общества.

Восстановление государственных сил безопасности способствует толерантным межэтническим отношениям, если применяется принцип

пропорционального представительства этногрупп в органах государственного принуждения. В модернизируемом обществе кроме полицейского контроля выборочный этнический контроль, грубая сила и тактика «разделяй и властвуй» оцениваются нелегитимными средствами принуждения, поскольку нарушают индивидуальные и коллективные права человека.

В третьем параграфе третьей главы *«Защитные стратегии распределения политической власти»* анализируется защитная функция правительственных стратегий. Те стратегии являются эффективными, которые обеспечивают равновесие политической власти конкурирующих этногрупп и препятствуют их одностороннему доминированию. В этом случае можно ожидать снижение чувства групповой уязвимости и повышения степени нормативной толерантности.

Системы распределения политической власти включают три типа институтов. Они различаются сферой функционирования: электоральные, территориальные и административные институты. Во всех случаях речь идет об институтах права, т.е. группах юридических норм, регулирующих властные отношения в обществе. Электоральные нормы определяют метод перевода голосов избирателей в членство представительных организаций, территориальные нормы разграничивают предметы ведения и полномочия уровней власти. Административные нормы обуславливают разделение должностных функций и определяют иерархию должностных компетенций. Каждый из трех институтов означает параметр внутригосударственного влияния. Этногруппа, стремящаяся предотвратить политическое превосходство внешней группы, концентрирует свое внимание на одном из институтов или их сочетании.

При распределении политической власти в модернизируемых обществах можно обнаружить альтернативные варианты – мажоритарную систему и пропорциональную систему. Сторонники мажоритарных стратегий контроля мирных соглашений поддерживают политические объединения, пересекающие этнические расколы, и выступают за действие правила большинства. Сторонники стратегий пропорционализма отстаивают национально-территориальные политические объединения и действие правила этнического представительства. Поэтому правительства модернизируемых обществ, испытывающих этнические конфликты, могут институ-

ционализировать альтернативные системы распределения политической власти. Мажоритарные стратегии контроля мирных соглашений применимы в интегрированном обществе, где существует межэтническая нормативная толерантность. Стратегии пропорционализма эффективны в этнически разделенном обществе, в котором сохраняется дилемма безопасности участников мирных соглашений. Институты пропорционального электорального и административного представительства, территориальная автономия снижают постконфликтное чувство групповой уязвимости и способствуют формированию нормативной толерантности.

В четвертом параграфе третьей главы *«Дистрибутивные стратегии формирования нормативной политической толерантности»* выявляются причины, вызывающие необходимость правительственных дистрибутивных гарантий безопасности этнических групп и альтернативные варианты этих гарантий. На опыте деятельности представительства Президента в Южном федеральном округе определяются преимущества дистрибутивных субсидиарных стратегий.

После заключения мирных соглашений повышенную озабоченность экономической безопасностью у этногрупп вызывают память о прошлой экономической дискриминации и барьерах мобильности; сохранение низкого уровня жизни населения и перспективы занятости, сомнения в способности переходного правительства компромиссно решать экономические проблемы постконфликтного восстановления.

Следствием либеральной дистрибутивной политики является формирование среднего класса, что требует длительного времени. Ее эффективность зависит от накопления опыта хозяйствования в условиях рыночной экономики. В среднесрочной перспективе либеральная политика приводит к глубокому социальному расслоению модернизируемого общества и непропорциональному распределению богатства между этногруппами и регионами. Либеральная политика усиливает межэтническую конкуренцию в экономической сфере и не создает барьеров одностороннего этнического преобладания в области присвоения материальных ресурсов.

Субсидиарная политика означает государственную помощь отстающему региону. Социальная цель этой политики заключается в обеспечении средствами существования депривированного (нижнего) социального

сложения этнических групп. Ожидается, что уменьшение численности нижнего класса повысит политическую стабильность в полиэтническом регионе. Идеология субсидиарности обосновывает естественную ответственность союзного государства за развитие регионов. Ответственность заключается в принципе федеральной помощи региону для его саморазвития.

В модернизируемом этнически разделенном обществе либеральная дистрибутивная политика усиливает социальное расслоение и обостряет межэтническую конкуренцию за экономические ресурсы. Стабильности мирных соглашений и формированию нормативной толерантности этнических групп способствует субсидиарная политика правительства. Она обеспечивает социальную защиту и уменьшает численность нижнего класса посредством устойчивого, социально ориентированного развития отстающего региона.

В пятом параграфе третьей главы рассматривается *«Сочетание стратегий безопасности в формировании нормативной толерантности»*. Знание правительственных стратегий формирования нормативной толерантности необходимо для установления устойчивых и длительных мирных соглашений бывших участников этнического конфликта. Имеются стратегии, непосредственно направленные на ослабление постпереговорной дилеммы безопасности. Силовой контроль государства снижает угрозу физической безопасности этногрупп. Пропорциональные стратегии распределения политической власти предотвращают этническую дискриминацию и способствуют утверждению политического и культурного плюрализма. Дистрибутивная субсидиарная политика правительства обеспечивает социальную защиту этногрупп от нищеты. Ни одна из названных стратегий в отдельности не устраняет дилемму безопасности, существование которой препятствует установлению глубоких толерантных отношений.

Этнические конфликты мотивированы восприятием реальной или воображаемой угрозы безопасности физическому и культурному выживанию этногрупп. Гуманитарный принцип соблюдения индивидуальных и коллективных прав граждан усложняет правительственный контроль этнического конфликта. Он не может быть сдержан ценой репрессий. Опыт урегулирования осетино-ингушского конфликта свидетельствует о сохра-

нении дилеммы безопасности после заключения мирных соглашений. Сочетание институциональных гарантий физической, политической и социальной защите этногрупп позволяет бывшим участникам конфликта избежать дилеммы безопасности и принять толерантный принцип за основу развития отношений добрососедства и сотрудничества.

В четвертой главе рассматривается **«Влияние принудительных стратегий мирового сообщества на политическую толерантность модернизируемого общества»**. В условиях, когда правительство утрачивает способность эффективно контролировать этнический конфликт на своей территории, и этническое насилие приводит к массовым бедствиям, угрожающим безопасности соседних стран, международное сообщество вмешивается в дела государства. Будучи противоречивым явлением глобализованного мира, миротворческий интервенционизм остается малоизученной проблемой в аспекте формирования политической толерантности модернизируемого общества. Поэтому в главе рассмотрены основные типы миротворческих стратегий урегулирования внутригосударственного этнического конфликта.

В первом параграфе четвертой главы исследуются **«Превентивные стратегии восстановления толерантных отношений»**. Нарастающее противоречие между глобальной взаимозависимостью стран и распристраненностью этнических конфликтов побуждает мировое сообщество решать проблему предотвращения этнического насилия. Задачей миротворческого предотвращения этнического конфликта является уменьшение или устранение необходимости прибегать к военной интервенции, когда конфликт перешел в насильственную стадию. Даже если превентивные усилия не увенчались успехом, они остаются неременным предварительным условием реактивных и восстановительных стратегий.

Миротворческая превентивная деятельность основывается на предвидении этнического насилия и раннем предупреждении конфликтов. Эффективность миротворческой превентации зависит от двух базовых условий. К ним относятся: 1) обнаружение и оценка дилеммы безопасности в регионе; 2) выбор стратегии превентивных действий. Эти условия взаимосвязаны. Выбор превентивной стратегии зависит от обнаружения и адекватной оценки допереговорной дилеммы безопасности, то есть ситуации

вероятного возникновения этнического насилия. Оценка предполагает ответ на два вопроса: где и когда возникает дилемма безопасности этнических групп.

Миротворчество предполагает сотрудничество международных превентивных организаций с правительством затронутой страны. Миротворческие стратегии прямого предотвращения этнического конфликта содействуют восстановлению номинальной толерантности, поскольку побуждают стороны к переговорному урегулированию споров. Вследствие формирования отношений доверия превентивная дипломатия обладает большей толерантной эффективностью относительно интрузивных и принудительных средств. Стратегии глубокой превентации направлены на устранение структурных причин конфликта и способствуют восстановлению нормативной толерантности межэтнических отношений.

Во втором параграфе четвертой главы изучаются *«Миротворческие операции первого поколения и их толерантная ограниченность»*. Традиционные операции по поддержанию мира ООН, сложившиеся в течение «холодной войны» (1948–1989 гг.), были нацелены на прекращение конфликта путем временной приостановки конфликта. Это достигалось путем наблюдения за прекращением огня на основе положений соответствующего мандата. Присутствие в зоне конфликта военного и гражданского персонала ООН было направлено на наблюдение за выполнением не только условий соглашения о прекращении огня, но и разделения войск, оказания помощи в урегулировании конфликта и обеспечении безопасности толерантных отношений.

Операции миротворчества «первого поколения» всегда требовали согласия принимающего государства. Кроме того, они проводились на основе беспристрастности и нейтральности. Миротворческая миссия ООН могла состоять из невооруженных офицеров или войск по поддержанию мира, предоставленных государствами-членами ООН, или из международного (смешанного) военного контингента. Ограниченный военный контингент ООН призван был приостановить конфликт и выиграть время, необходимое для скорейшего примирения враждующих сторон для заключения соглашения о перемирии с целью достижения номинальных толерантных отношений.

В третьем параграфе четвертой главы рассматриваются *«Стратегии принуждения к миру для восстановления толерантных отношений»*. После окончания «холодной войны» деятельность Организации Объединенных Наций по поддержанию мира часто сочеталась с миростроительством в комплексных операциях в пользу мира, развертываемых в условиях внутрисостоятельных конфликтов. С 1992 г. стало наблюдаться совмещение операций по поддержанию мира с принудительными мерами. Операции миротворчества «второго и третьего поколений» становятся многофункциональными. Миротворческие операции развертываются не столько в постконфликтных ситуациях, сколько для создания таких ситуаций. Они пытаются перевести незавершенный конфликт вместе с личными, политическими или иными мотивами, которые ими двигали, с военной на политическую арену и сделать такой перевод постоянным.

В «постхолодный период» появилась возможность контроля за соблюдением мирных соглашений, разъединением и выводом войск этнически противоборствующих сторон, репатриацией беженцев, деятельностью местных административных структур, проведением конституционных, судебных и избирательных реформ, организацией проведения выборов, экономическим возрождением и восстановлением страны, ввергнутой в этнический конфликт. В этот период используются стратегии формирования нормативной политической толерантности.

В четвертом параграфе четвертой главы исследуются *«Гуманитарная безопасность и гуманитарный интервенционизм»*. Наиболее серьезным явлением в области безопасности со времени окончания «холодной войны» стало распространение вооруженных внутрисостоятельных конфликтов. Прекращение «холодной войны» ознаменовалось ростом междоусобных войн или гражданскими конфликтами, причем чаще всего с ужасающими политическими и гуманитарными последствиями. Многие конфликты возникают в испытывающих отчаянную нужду бедных странах, в которых монополия государства на средства принуждения часто утрачена, а насилие становится образом жизни с катастрофическими последствиями для гражданского населения, попавшего под перекрестный огонь. Повышается уязвимость гражданского населения через разжигание расовой, религиозной или этнической ненависти, всего комплекса интолерантных от-

ношений.

Гуманитарная безопасность не может рассматриваться как изолированное явление, проявляющееся в ограниченных территориальных рамках. Во взаимозависимом мире безопасность зависит не только от стабильных суверенных субъектов международного сообщества, но и от существования недееспособных государств, которые способны поддерживать порядок внутри страны только лишь путем грубого нарушения прав человека и могут представлять опасность для людей, где бы они ни находились.

Стратегии ООН по поддержанию мира, разработанные для эпохи войн между государствами и предназначенные контролировать и обеспечивать соблюдение прекращения огня, согласованного между воюющими сторонами, уже не соответствуют стратегии защиты гражданского населения, оказавшегося в центре схватки между противоборствующими сторонами в этническом конфликте.

Это поставило перед ООН трудноразрешимую задачу: как примирить фундаментальные для нее принципы суверенитета государств-членов и сопутствующий им основной мандат на поддержание международного мира и безопасности. Традиционное понятие государственного суверенитета в контексте гуманитарной безопасности стало наполняться другим содержанием, включающим в себя цель предоставления более широких прав, полномочий и свобод самим людям – как отдельным гражданам, так и всему народу страны в целом. «Суверенитет как власть» стал рассматриваться в качестве «суверенитета как ответственность». Миротворческая деятельность ООН и других международных организаций интенсифицирует процесс перехода от культуры государственной безнаказанности к культуре национальной и международной ответственности, укрепляя тем самым безопасность толерантных отношений.

«Ответственность за защиту» является формирующейся международной нормой или руководящим принципом поведения международного сообщества государств, которая может стать частью обычного международного права, если она получит дальнейшее закрепление в государственной и межправительственной практике.

В *заключениях* излагаются основные выводы диссертационного исследования, систематизируются тезисы, выносимые на защиту, подводятся окончательный баланс проанализированным в работе концептуальным версиям эволюции государства как политического института.

**По теме диссертационного исследования автором
опубликованы следующие работы:**

Монографии

1. Гулиев М.А., Макеев В.В. Политическая толерантность в межэтнических конфликтах. Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2003. – 7,0/3,5 п.л.
2. Гулиев М.А. Политическая толерантность и безопасность в урегулировании этнического конфликта модернизируемого общества. Ростов н/Д, 2005. – 9 п.л.
3. Гулиев М.А. Безопасность и толерантность в постконфликтной реконструкции. Ростов н/Д, 2005. – 12 п.л.
4. Гулиев М.А. Толерантность и миротворчество. Ростов н/Д, 2006. – 12 п.л.

Брошюры, статьи, тезисы докладов и сообщений

5. Гулиев М.А. Толерантность – императив взаимодействия государственных и негосударственных структур в современных конфликтах. Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Матер. III Российского философского конгресса. Ростов н/Д, 2002. – 0,3 п.л.
6. Гулиев М.А. Политическая толерантность в посредническом урегулировании этнического конфликта. Формирование правового государства в России: Матер. межвузовской конф. молодых ученых. Краснодар, 2002. – 0,4 п.л.
7. Гулиев М.А., Коновалов В.Н. Толерантность на Юге России: поиски и парадигмы. Выборы в России и российский выбор: Матер. III Всероссийского конгресса политологов. М., 2003. – 0,4 п.л.

8. Гулиев М.А. Исторические и теоретические истоки политической толерантности. Политическая толерантность в мультиэтническом регионе: Матер. Всероссийской конф. «Проблемы толерантности в мультиэтническом обществе. Ростов н/Д, 2003. – 0,4 п.л.

9. Гулиев М.А. Демократия, толерантность, правосудие: послышки политических изменений. Демократия и толерантность: Матер. междунар. конгресса политологов. Дурбан, 2003. – 0,2 п.л.

10. Гулиев М.А. Политическая толерантность в урегулировании этнических конфликтов. Ростов н/Д, 2003. – 1 п.л.

✓ 11. Гулиев М.А. Толерантность: политологический аспект // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2004. № 3. – 0,5 п.л.

✓ 12. Гулиев М.А. Посредничество в решении этнического конфликта // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Сер. «Общественные науки. Приложение». Ростов н/Д, 2004. – 0,5 п.л.

✓ 13. Гулиев М.А. Стратегии формирования политической толерантности в Закавказье и Северном Кавказе // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2004. № 3. – 0,5 п.л.

14. Гулиев М.А. Этнические конфликты: содержание, детерминанты // Путь в науку. Ростов н/Д, 2004. – 0,5 п.л.

15. Гулиев М.А. Этноцентризм: когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты // Путь в науку. Ростов н/Д, 2004. – 0,5 п.л.

✓ 16. Гулиев М.А., Ганиева Р.Х. Транслирование ментальности в различных социокультурных средах // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2004. № 4. – 0,5/0,4 п.л.

17. Гулиев М.А. Толерантность как интенция общечеловеческих интересов // Путь в науку. Ростов н/Д, 2005. – 0,5 п.л.

✓ 18. Гулиев М.А., Ганиева Р.Х. Менталитет как категория философско-психологического исследования // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2005. № 4. – 0,5/0,3 п.л.

19. Гулиев М.А. Границы политической толерантности. Вузовская наука – Северо-Кавказкому региону: Матер. XXXIV научно-технической конф. Ставрополь, 2005. – 0,1 п.л.

20. Гулиев М.А. Посредническое урегулирование этнического конфликта. Вузовская наука – Северо-Кавказскому региону: Матер. XXXIV научно-технической конф. Ставрополь, 2005. – 0,1 п.л.

✓ 21. Гулиев М.А., Ганиева Р.Х. Ментальные основания толерантности в полиэтническом обществе // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 1. – 0,3/0,2 п.л.

22. Гулиев М.А. Причины этнических конфликтов: миграция населения и модернизация общества. Динамика научных исследований – 2005: Матер. IV Междунар. научно-практ. конф. Украина, 2005. – 0,1 п.л.

✓ 23. Гулиев М.А., Ганиева Р.Х. Транслирование менталитета в полиэтническом обществе // Научная мысль Кавказа. 2005. № 4. – 0,3/0,2 п.л.

✓ 24. Гулиев М.А. Восстановление государственных сил безопасности как стратегия формирования нормативной толерантности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2005. № 4. – 0,1 п.л.

✓ 25. Гулиев М.А. Методологические подходы утилитарного понимания толерантности // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. 2005. № 9. – 0,4 п.л.

✓ 26. Гулиев М.А. Утилитарное понимание политической толерантности как модуса вивенди // Научная мысль Кавказа. 2006. № 1. – 0,4 п.л.

27. Гулиев М.А. Силовой контроль в формировании нормативной толерантности // Путь в науку. Ростов н/Д, 2005. – 0,5 п.л.

✓ 28. Гулиев М.А. Дилемма безопасности и стратегии формирования нормативной толерантности // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. 2006. № 1. – 0,5 п.л.

✓ 29. Гулиев М.А. Превентивные стратегии безопасности политической толерантности // Философия права. 2005. № 3. – 0,5 п.л.

30. Гулиев М.А. Миротворческие операции первого поколения и их толерантная ограниченность // Юристь-Правоведь. 2005. № 3. – 0,5 п.л.

✓ 31. Гулиев М.А. Стратегия принуждения к миру для восстановления толерантных отношений // Философия права. 2005. № 3. – 0,5 п.л.

32. Гулиев М.А., Ганиева Р.Х. Теория исследования менталитета как психологического образования. Вузовская наука – Северо-Кавказскому региону: Матер. науч.-практ. конф. Ставрополь, 2005. – 0,1 п.л.

33. Гулиев М.А. Некоторые теоретические подходы к объяснению безопасности. Вузовская наука – Северо-Кавказскому региону: Матер. науч.-практ. конф. Ставрополь, 2005. – 0,2 п.л.

34. Гулиев М.А. Процесс разоружения экс-комбатантов и формирование толерантных отношений. Наука и инновации 2005: Матер. междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 2005. – 0,2 п.л.

✓ 35. Гулиев М.А. К вопросу формирования политической толерантности и безопасности участников этнического конфликта // Научная мысль Кавказа (приложение). 2005. № 4. – 0,4 п.л.

✓ 36. Гулиев М.А. Толерантность и миротворчество в современном общественном сознании // Научная мысль Кавказа. 2005. № 5. – 0,4 п.л.

✓ 37. Гулиев М.А. Уровни толерантной консолидации демократии // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. 2006. № 1. – 0,5 п.л.

✓ 38. Гулиев М.А. Понятие толерантной консолидации // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 2006. № 1. – 0,3 п.л.

39. Гулиев М.А. Толерантность как норма политической культуры. Ростов н/Д, 2004. – 2 п.л.

40. Гулиев М.А. Политическая толерантность в урегулировании этнических конфликтов. Ростов н/Д, 2004. – 2 п.л.

41. Гулиев М.А. Политология. Назрань, 2004. – 2 п.л.

42. Гулиев М.А. Теоретико-методологические подходы к объяснению политической толерантности и безопасности. Назрань, 2005. – 2 п.л.

43. Гулиев М.А. Дилемма безопасности в период постконфликтной реконструкции. Назрань, 2005. – 2 п.л.

44. Гулиев М.А. Стратегия постконфликтной реконструкции и формирование нормативной, политической толерантности. Назрань, 2005. – 2 п.л.

45. Гулиев М.А. Демократия и толерантная консолидация. Назрань, 2005. – 2 п.л.

Формат 60x84/16. Объем 2,5 п.л. Набор компьютерный.
Гарнитура Times New Roman. Печать ризография. Бумага офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ № 197

Отпечатано в отделении оперативной полиграфии ОНиРИО
Ростовского юридического института МВД России.
344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Маршала Еременко, 83.